

**«ЛАБИРИНТ СЦЕПЛЕНИЙ»:
МАНИХЕЙСКАЯ ТАЙНА В ДЕТСКОЙ ПЕСЕНКЕ
И ГОГОЛЕВСКАЯ ФИТОСЕМАНТИКА**

Е. Ю. ПОЛТАВЕЦ

Московский городской педагогический университет
nedzvetsky@bk.ru

Памяти незабвенного Михаила Давидовича Амирханяна,
Ученого,
Друга российского литературоведения
и прекрасного Человека

В статье рассмотрены возможные причины соположения в произведениях Н.В. Гоголя двух мотивов – фитосемантического и мотива семейного родства, потомства, фертильности. Фитосемантический мотив, связанный с мотивом фертильности, имеет свою специфику. Репрезентантами его являются упоминания об огородных культурах: тыкве, арбузе, огурце и т.п. Эта странная связь может восходить к манихейским представлениям или обрядовой магии.

***Ключевые слова:** Н.В. Гоголь, мотив, манихейство, обряд, фольклор, фитосемантика.*

Знаменитая фраза Льва Толстого о «лабиринте сцеплений» – главный девиз для методологии выявления сетки мотивов в литературном произведении. Выявление точек соприкосновения и пересечения мотивов, установление условий их соположения в тексте – условие раскрытия парадоксальных интенций и других глубинных смыслов творчества писателя. На наш взгляд, не так важны свобода или связанность (с сюжетом), периферийность или центральное положение мотива, как его место в системе, его устойчивое объеди-

нение с рядом других. Находя точки «пересечения» мотивов, филолог может реставрировать мифологему и обнаружить архетипическую модель, подобно тому, как устанавливают, например, местонахождение источника радиоизлучения способом радиопеленгации.

Так, мотив ягод, сопровождающийся в творчестве Л.Н. Толстого мотивом вины и наказания, помогает выявить специфически толстовскую трактовку «запретного плода», у Пушкина мотив «белой горы» в его связи с мотивом осады крепости отсылает к Книге Юдифь, гоголевский мотив записки (письма, грамоты), по наблюдениям С.А. Гончарова, связан с «неслыханными обстоятельствами» и уже тем самым указывает на «метонимию магической инстанции, которая воздействует на мир посредством материализованного на бумаге слова» [6: 156], и т.д. В.В. Мароши показал, какое огромное значение имеет текстильный и вестиментарный код в творчестве Н.В. Гоголя, приведя особенно наглядный пример – повесть «Шинель», в которой сюжет (построение шинели) изоморфен принципу текстопорождения: «сшиванию», «сплетению» текстильных метафор и даже приемам аллитерации, тавтограммирования, паронимии. Т.е. в последнем случае текстильный мотив уже не только пересекается с другими, а прямо демонстрируется как прием создания ткани – текста, что создает особую текстовую суггестию (за это исследователь метко назвал Гоголя «славянской Арахной» [9: 163]).

«Наложение смыслов», помогающее в реставрации мифологемы, можно продемонстрировать на примере анализа связей фитосемантического мотива бахчевых культур в произведениях Гоголя. Вопросы фитосемантики в творчестве Гоголя в последнее время затрагивались в глубоких исследованиях М.Я. Вайскопфа, Ю.В. Манна, В.А. Доманского. Выводы исследователей, касающиеся особого статуса «сада» среди прочих локусов, можно, в общем, распространить и на художественную значимость мотива *баштана*, бахчи в гоголевском творчестве. Но не откроются ли новые смыслы, если учесть, что в гоголевском тексте мотив всего, произрастающего на баштане, – арбуза, тыквы, дыни (и даже огурца) – соседствует с наименованиями степеней родства и вообще с семейно-фертильной темой?

Бесподобная логика повествования в гоголевской повести соединяет сообщение о любви Ивана Ивановича к дыням с внезапным упоминанием повествователя о том, что у *Гапки есть дети* (однако этот факт не имеет отношения к гастрономическим пристрастиям персонажей). Зачем-то сообщается, что именно юбка *бабушки* Ивана Никифоровича снабжена карманами, в которые «можно было положить по арбузу» [5: II, 361]. Старосветские помещики всегда были не прочь откусить арбуз, что в этой странной логике характеризует их как нежных супругов, не имевших, правда, детей. Зато в их хозяйстве даже гусь с *гусятами*, т.е. с семейством, прогуливался не где попало, а около воза с дынями. (Есть, впрочем, некоторые намеки, соединяющие поедание арбуза и грибов – деталь, почти всегда метафорически эротическая – с наблюдением Афанасия Ивановича за «девками» в «кладовой» во время отлучек Пульхерии Ивановны по хозяйству). Во дворе Коробочки изысканный завтрак из арбузных корок «уписывала» свинья с *семейством*, а семейный портрет четы Собакевичей в интерьере сопровождается указанием на то, что супруги похожи на тыкву-горлянку и огурец. В «Мертвых душах» даже метафорический арбуз-экипаж, в котором ездил, как и подбавляет всякой волшебнице, Коробочка, появляется в одном абзаце (!) рядом с упоминанием о *родне* Ноздрева, мысленно проклинаемой Чичиковым. Огурцы, арбузы и дыни особенно часто упоминаются в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», где речь идет о предполагаемом сватовстве, а главными героями являются родственники: *тетушка* и *племянник*. Даже петербургский житель Хлестаков после хвастливых слов о семисотрублевом арбузе проговаривается о кухарке Маврушке (о Маврушке до арбуза, как и о Гапке до дыни, речи не было). Наконец, и несчастный Башмачкин, уносящий на своей шляпе выброшенные из окна арбузные и дынные корки, противопоставляется бойкому *брату-чиновнику* в игривом пассаже о непорядке панталон.

Самое заколдованное место – это баштан. Там *дед* и *внуки* тешатся рассказами о нечистой силе. Присутствует и мотив «вегетативной нечисти» [2: 181] в виде «свернувшейся» дыни, напоминающей змею. И здесь бахчевая растительность связана с мотивом

родства, но в страшновато-колдовском духе: уже не совсем вменяемый *дед* пугает *внука*, что обменяет его на кур «вместо арбуза» [5: I, 192]. Взаимозаменяемость ребенка и диковинного плода подракумеваается и в таком, например, пассаже из письма Гоголя к матери (12 сентября 1827 г.): «Павел Петрович пишет, что отыскалась на том баштане, что за прудом (который весь высох) дыня с пупком (а не с хвостом). Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотел бы я знать причину» [5: II, 447].

Танцы деда на баштане («Заколдованное место») соответствуют славянскому обычаю танцевать или водить хоровод «на лен», «на репу», «на тыкву», на другие сельскохозяйственные культуры. Танец предпринимается как магический способ увеличения плодородия. Понятно, что там, где не получается танец, пропадает и урожай. Несомненно обрядовое происхождение перешедшей в детский фольклор украинской игровой песенки о «гарбузе» («гарбуз» по-украински «тыква»), который расспрашивает о своей *родне* и получает ответы от дыни, огурцов и т. д. Приводим начало:

Ходить гарбуз по городу,
питається свого роду -
«Ой чи живі, чи здорові
всі родичі гарбузові?»
Обізналась жовта диня,
гарбузова господиня:
«Іще живі, ще здорові
всі родичі гарбузові»...

«Гарбуз» в украинском языке существительное мужского рода, поэтому в песенке он глава рода, а дыня – его жена. Кроме фольклорных примеров и примеров из произведений Гоголя, можно вспомнить и другие (литературные) случаи пересечения семейного мотива с мотивами баштана и бахчевого урожая. Так, в романе В.Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» находим сцену любовного свидания среди арбузов и дынь, у А.И. Герцена в романе «Кто виноват?» встречается метафора, которая заставляет вспомнить экипаж гоголевской Коробочки: «В тыкве сидела другая тыква – добрый и толстый отец семейства...» [4: I, 229]. Феноменальная

мифологическая чуткость И.А.Бунина в его хрестоматийно известной и мифопоэтически насыщенной «Песне» («Я – простая девка на баштане...») проявляется и в упоминании отказа от работы на баштане как бы вследствие любовной неудачи, а в стихотворении Бунина «Христя» девочка играет в куклы «на сухих бахчах» среди тыкв, представляя кукольный брачный «сговор». Свадебная символика тыквы и арбуза в разных традициях может обладать противоположным смыслом: на Украине вручение сватам «гарбуза» означало отказ, в юго-восточной Азии семена арбуза дарили жениху и невесте на свадьбу как символ плодородия.

В отличие от сугубо эротической символики грибов, исконное значение плодов, особенно ягод, связано не столько с любовным влечением, сколько с плодovitостью, урожаем-размножением. Это не очень заметно в творчестве А.С. Пушкина, у которого «вишень», «малина» окружаются изящно-эротическими намеками («Евгений Онегин»), а вот у Льва Толстого мотив ягод вбирает в себя устрашающий смысл запретного плода, первородного греха, изгнания из рая и, как следствие, рождения детей у Адама и Евы и утраты индивидуального бессмертия. «Ягодная травма» («Косточка», «Ягоды», «Божеское и человеческое», «Воспоминания», мотив наказания «за сливы» в «Войне и мире» и за персик в «Анне Карениной») в творчестве Толстого объясняется, разумеется, психологическими причинами, однако механизм соединения мотива ягод с мотивом детства (а рождение детей заменяет индивидуальное бессмертие) аналогичен функционированию и переплетению фертильного и бахчевого мотивов в произведениях Гоголя.

У Гоголя не вишни, не сливы (наименование плода-костянки, преобладающее в названиях плодов у Толстого), не мифологически возвышенные гранат или виноград, не яблоки с их мифологическо-библейским ореолом значений, а приземленные в буквальном смысле этого слова «жители» огорода упоминаются рядом с замечаниями о фертильности и потомстве. Ведь и в «Старосветских помещиках» не соблазнительность дворовых девок, а их необыкновенная плодovitость выдвинута на первый план наряду с обсуждением парадоксальной обманчивости красного (эротическая символика)

арбуза, который может и не быть *хорошим*. Чем можно объяснить, что именно довольно большие и увесистые плоды (с ботанической точки зрения плоды арбуза, тыквы, дыни являются т.н. тыквиной, «гомологичной» ягоде, т.е. частью растения, сопоставимой по развитию и морфологии с ягодой) выбирает Гоголь в качестве манифестантов семейной плодovitости? В силу известной склонности писателя к излюбленной гиперболизации? (Гипербола у Гоголя, конечно, один из способов остановить внимание читателя, вроде композиционных приемов умолчания или ретардации у авторов детективов.) Под влиянием фольклорной песни (о родне «гарбуза»), которую Гоголь хорошо знал? (Строки из этой песни Гоголь цитирует в письме к М.А. Максимовичу от 22 марта 1835 года. См. также: [3: 130–131]).

На наш взгляд, в поисках ответа на этот вопрос плодотворной может оказаться опора на тезис С.А. Джанумова о том, что «Гоголь-писатель, Гоголь-эстетик, теоретик искусства неотделим от Гоголя – религиозного мыслителя» [7: 26]. Это бесспорное положение иллюстрируется в названной монографии именно на примере исследования глубокого интереса писателя к песенному, в т.ч. обрядово-песенному славянскому фольклору. Вектор духовных поисков писателя проходил и через православие, и через славянскую мифологию, но добавим, что интерес Гоголя к истории гностиков и манихейству мог отразиться в причудливом сплаве мистических мотивов его творчества. Семейно-брачная тема переплетается с мотивами бахчевых культур в представлениях членов одной из манихейских сект. «Души последователей духовно низкой общины, живущей в браке, должны перейти в дыни и огурцы, чтобы очиститься после съедения их и стать избранными» [12: 261], – такие сведения об этих манихейских учениях приводит Э.Б.Тайлор, труды которого не утратили значения и в наши дни. Гоголю, разумеется, работы Тайлора не могли быть известны, но семейный портрет Собакевича и его супруги, похожих на тыкву и огурец (вспомним фольклорную семейную пару: «гарбуз» и «жовта диня»), вполне мог бы послужить иллюстрацией «духовно низких» (у Гоголя – «мертвых») душ. Устойчивое наложение «арбузотыквенного» мотива на мотив семейно-фертильный может иметь и

манихейско-гностический источник. «Похороны» семян дыни с надгробной надписью, содержащей дату съедения и сведения о сотрапезнике, имеют, таким образом, для Ивана Ивановича огромный смысл: тот, кто съел дыню, заключившую чью-то душу, помогает скорейшему перевоплощению этой души и обеспечивает лучшее будущее своей. С точки зрения манихейской секты, Иван Иванович, народивший кучу детишек, в будущей жизни обречен на дынно-огуречное существование.

М.Вайскопф, например, в самом безбрачии и даже смерти Гоголя видит «типичное замаскированное самоубийство гностика, разрывающего плотские узы», а в отце Матвее – «христианского манихея» [2: 656]. Укажем еще на некоторые моменты, связанные с префигурацией мотива, под которой мы понимаем соединение как литературных, так и мифологических источников. Это, во-первых, сатира Сенеки «Отыквление»; у Сенеки «отыквление» Клавдия (вместо посмертного обожествления) символизирует не столько глупость – по аналогии с восприятием глупой головы, как пустой тыквы, сколько само реинкарнационное наказание. Ведь и тыква-Собакевич у Гоголя не глуп (по крайней мере, по сравнению с Коробочкой, которой сама идея воскресения невдомек).

Во-вторых, считается, что тыква была тем самым быстрорастущим растением, которое Бог послал пророку Ионе для спасения от зноя, аналогично тому, как послал кита для спасения из морской бездны. Это растение было подточено червем и погибло, чтобы убедить Иону в зависимости и процветания, и гибели (растительного и животного мира, а также человечества) от воли Бога. В связи с этим Вяч. Иванов видит в тыкве «растительный коррелат ковчега» Ноя (цит. по: [11: 77]), равно как и прочих спасительных «плавсредств»: кита Ионы, плывущего гроба Осириса и т.д. В целом это один из символов сочетания спасительного ковчега с деревом жизни. Возможно, что у Гоголя безотчетное ощущение именно такого сочетания повлияло на соположение мотива тыквы (арбуза, дыни и т.д.), имплицитного запретный плод и одновременно спасительный ковчег, и мотива деторождения, связанного с наказанием за съедение запретного плода.

Труды Аврелия Августина с их обязательными выпадами против манихейства также содержат мотив ягод. В знаменитой «Исповеди» высмеиваются претендующие на святость манихеи, воображающие, что, съедая ягоду, они освобождают частички божества: «Эти частички истинного и высшего Божества так и остались бы заключенными в винной ягоде, если бы «святые избранники» не освободили их зубами и кишками» [1: 66]. В другом сочинении Августина («Против Фавста») достается манихейским лицемерам, не решающимся «убивать» плоды (например, тыквы), но поедающим их: «Вы сложа руки ожидаете, чтобы кто-либо из ваших “слушателей” накормил вас (“святых”): вооружившись ножом или серпиком, он выбегает в сад и, убийца тыкв, подносит вам их живые трупы» [Там же: 443]. Недаром и гоголевские Иван Иванович и Афанасий Иванович, хотя и не прочь погулять по саду, не сами отправляются за дыней и арбузом, а ждут, когда Гапка или Пульхерия Ивановна доставят плоды к столу. Эти иронические детали в повестях Гоголя вполне могут быть добавлены к многочисленным августиновским реминисценциям, проанализированным в гоголеведении.

Павел Чичиков у Гоголя проверит гностические идеи, апокалиптическую идею записи душ в Книгу жизни и, наконец, предназначен для проверки *паулинистских* идей воскресения («Мертвые воскреснут нетленными» – 1 Кор. 15: 52), может быть, казавшихся писателю-проповеднику не слишком убедительными. По сравнению с египетской «Книгой мертвых», одноименной буддистской книгой, индуистской реинкарнацией, даосской медитативной практикой «освобождения от трупа» и многими другими религиозными и мифологическими представлениями о палингенесии, христианская догматика, по выражению религиозного философа В.Н. Ильина, «на эту тему, в общем, молчит» [8: 132]. Грандиозную идею воскресения Гоголь как бы синтезирует, призывая и рассматривая различные учения и выдумки, пусть и экзотические, вроде учения о тыкве, пусть и высмеиваемые (как в «Отыквлении») – а вдруг все же пригодится, как Осипу веревочка? Недаром ведь и кузнецы с их теллурической магией призываются чинить христианское колесо брички Чичикова. Тому же Сенеке принадлежит изречение: «Нет никого, кто жизни бы

не мог отнять, и никого, кто смерть бы отнял» («Финикиянки») [10: 152–153]. Гоголь смерть от человечества тоже не отнял, но сделал для этого много, очень много. Больше, может быть, чем мы думаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаженный Августин*. Исповедь. М.: Эксмо, 2006.
2. *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя. М.: РГГУ, 2002.
3. *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни. М.: Московский рабочий, 1990.
4. *Герцен А.И.* Собр. соч. в 9 т. М.: ГИХЛ, 1955–1959.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 9 т. М.: Русская книга, 1994.
6. *Гончаров С.А.* Дефектный текст и странный персонаж Гоголя в контексте русской прозы (Статья 1) // Гоголь и славянский мир: Сб. науч. статей. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 146–159.
7. *Джанумов С.А.* Фольклор в статьях и письмах Н.В.Гоголя. М.: МГПУ, 2011.
8. *Ильин В.Н.* Мирозерцание графа Л.Н.Толстого. СПб.: РХГИ, 2000.
9. *Мароши В.В.* «Плетение словес» в житетворчестве и поэтике Гоголя // Гоголь и славянский мир. Сб. науч. статей. Вып. 1. Томск: Издательство Томского университета, 2007. С.160–174.
10. *Сенека Луций Анней*. Трагедии. М.: Наука, 1983.
11. *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.
12. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.

REFERENCES

1. *Blazhennyj Avgustin*. Ispoved'. M.: Eksmo, 2006.
2. *Vajskopf M.Ya.* Syuzhet Gogolya. M.: RGGU, 2002.
3. *Veresaev V.V.* Gogol' v zhizni. M.: Moskovskij rabochij, 1990.
4. *Gercen A.I.* Sobr. soch. v 9 t. M.: GIHL, 1955–1959.
5. *Gogol' N.V.* Sobr. soch. v 9 t. M.: Russkaya kniga, 1994.

6. *Goncharov S.A.* Defektnyj tekst i strannyj personazh Gogolya v kontekste russkoj prozy (Stat'ya 1) // *Gogol' i slavyanskij mir: Sb. nauch. statej. Vyp. 1.* Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. S. 146–159.
7. *Dzhanumov S.A.* Fol'klor v stat'yah i pis'mah N.V.Gogolya. M.: MGPU, 2011.
8. *Il'in V.N.* Mirosozercanie grafa L.N.Tolstogo. SPb.: RHGI, 2000.
9. *Maroshi V.V.* «Pletenie sloves» v zhiznetvorchestve i poetike Gogolya // *Gogol' i slavyanskij mir. Sb. nauch. statej. Vyp. 1.* Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2007. S.160–174.
10. *Seneka Lucij Annej.* Tragedii. M.: Nauka, 1983.
11. *Silard L.* Germetizm i germenevtika. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2002.
12. *Tajlor E.B.* Pervobytnaya kul'tura. M.: Politizdat, 1989.

«ԿԱՊՎԱԾ ԼԱԲԻՐԻՆԹՈՍԸ». ՄԱՆԻՔԵԱԿԱՆ ԱՌԵՂԾՎԱԾԸ ՄԱՆԿԱԿԱՆ ԵՐԳՈՒՄ ԵՎ ԳՈԳՈԼՅԱՆ ՖԻՏՈՍԵՄԱՆՏԻԿԱՆ

Ե. ՅՆԼ. ՊՈԼՏԱՎԵՅ

Մոսկվայի քաղաքային մանկավարժական համալսարան

Հոդվածում քննարկվում են Ն.Վ. Գոգոլի ստեղծագործություններում երկու մոտիվների՝ ֆիտոսեմանտիկ (բուսափմաստաբանական) մոտիվի և ընտանեկան ազգակցական կապի, սերնդի և բերրիության մոտիվների համադրման հնարավոր պատճառները: Բեղմնավորման մոտիվին կապված ֆիտոսեմաստիկ մոտիվն ունի իր առանձնահատկությունները: Դրա ներկայացուցիչներն են այգեգործական մշակաբույսերի հղումները՝ դդում, ձմերուկ, վարունգ և այլն: Այս տարօրինակ կապը կարող է վերաբերել մանիքեական գաղափարներին կամ ծիսական մոգությանը:

Բանալի բառեր՝ Ն.Վ. Գոգոլ, մոտիվ, մանիքեիզմ, ծես, բանահյուսություն, ֆիտոսեմաստիկա (բուսափմաստաբանություն):

“THE CLUTCH LABYRINTH”: A MANICHEAN MYSTERY IN A CHILDREN'S SONG AND GOGOL'S PHYTOSEMANTICS

E. Yu. POLTAVETS

Moscow City Pedagogical University

The article examines possible reasons for the juxtaposition of two motives in the works of N.V. Gogol – the phytosemantic motive and the motive of family kinship, **offspring**, and fertility. The phytosemantic motive, associated with the motive of fertility, has its own specifics. Its representatives are references to garden crops: pumpkin, watermelon, cucumber, etc. This strange connection may go back to Manichaeism ideas or ritual magic.

Key words: *N.V. Gogol, motive, Manichaeism, ritual, folklore, phytosemantics.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 мая 2025 г., подписана к печати в № 2.CXXI (121).2025 30.10.2025.